шественным образам в «Капитанской дочке» отведено значительное место в связи с Пугачевым и его воинством. Пугачев дважды показан за пиршественным столом — оба раза вместе с Гриневым («Там раздавались крики, хохот и песни ... Пугачев пировал с своими товарищами» — стр. 327; «Оргия, коей я был невольным свидетелем, продолжалась до глубокой ночи. Наконец хмель начал одолевать собеседников» — стр. 350). Но известно вместе с тем, что деталь, на которую так упорно обращает читательское внимание Пушкин, вполне согласуется с документальными свидетельствами о быте пугачевской вольницы.[99] Возможно, что сказочная тема приняла здесь форму вторичного кода, но равноправно и противоположное мнение: это «чистый» конкретно-исторический уровень произведения, без каких бы то ни было мифологических примесей. (К тому же в сказке пир замыкает повествование; в «Капитанской дочке» этот мотив не закреплен за финальной частью произведения.) Здесь мы наталкиваемся на одну из принципиальных и далеко не всегда преодолимых трудностей в дешифровке архетипа, причем затруднения заметно возрастают в разборах произведений нового времени *при переходе с яруса функций на ярус мотивов и символических атрибутов.* И все же нельзя не заметить, что пиршество объединяется с темой спасения Гринева, удачливо избежавшего повстанческой петли, с темой жизни;[100] не случайно в тесном соседстве возникает и мотив коллективного смеха: «Пугачев смотрел на меня пристально, изредка прищуривая левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости. Наконец *он засмеялся, и с такой непритворной веселостию, что и я, глядя на него, стал смеяться, сам не зная чему*» (стр. 331).[101]

Вторая встреча Гринева с чудесным помощником имплицирует (как это обычно бывает в сказке) «соединительный момент» — пространственное перемещение героя: он отбывает в Оренбург. Оренбургская крепость дублирует Белогорскую; покровитель Петруши — тамошний генерал — оказывается, по сути, двойником прежнего наставника — капитана Миронова. Многозначительно отчуждение молодого героя в коллективе (на военном совете): старики видят в предлагаемой им тактике «опрометчивость и дерзость» («Поднялся ропот, и я услышал явственное слово: молокосос, произнесенное кем-то вполголоса» — стр. 339). Отъезд из Оренбурга и возвращение в Белогорскую крепость мотивированы Машиным письмом: Гринев узнает об очередном вредительстве антагониста и спешит на выручку невесты, ликвидировать беду (в свете длинного ряда сближений с архетипом не удивительна сказочная числовая символика — Швабрин соглашается ждать ответа от Маши три дня).

Дублетом к первому предварительному испытанию героя чудесным помощником — Пугачевым служит новое столкновение с крестьянским царем в Бердской слободе. Любопытно почти полное топографическое повторение встречи с Вожатым: «Прямая дорога занесена была снегом ... Мы подъехали *к оврагам*, естественным укреплениям слободы ... Нас привезли прямо к избе, стоявшей *на углу перекрестка* ...» (стр. 345—346), т. е. на распу́тье. В избе следует испытательный допрос, под-

---

[99] См. главу «Пушкин в работе над „Историей Пугачева“ и повестью „Капитанская дочка“» в кн.: Ю. Г. Оксман. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Исследования и материалы. Саратовское книжное издательство, 1959.

[100] О метафорическом отождествлении еды и жизни см.: О. М. Фрейденберг. Поэтика сюжета и жанра, стр. 59 и след.

[101] Взаимодействие сюжетной схемы и культурно-исторической надстройки романа — задача, ожидающая разрешения. Было бы полезно выяснить отражающую способность посвятительных структур повествования, узнать, какие события внешней жизни допускает в свой мир роман.